

Историкография

Андрей Баталов

Утрата историчности: полемика о датировке Никольского собора Антониева Краснохолм- ского монастыря

Статья посвящена проблемам методологии и изучения древнерусской архитектуры на примере полемики о датировке Никольского собора. Храм, относящийся по своим архитектурным особенностям к первой половине XVI столетия, был датирован рядом исследователей концом XV века. Основанием стало известие позднего тенденциозного литературного источника конца XVII столетия, имеющего название «Летописец», но по жанру и языку не являющийся монастырской хроникой. Пренебрежение критикой источника приводит к построению умозрительных конструкций и приспособлению исторического материала к заранее постулированной концепции. Такой подход ведет изучение средневековой русской архитектуры в область эссеистики.

Ключевые слова:

древнерусское зодчество, XVI век,
методология, летописание,
итальянизмы,
монастырское строительство.

Эта статья посвящена проблеме датировки одного сооружения, которая определяется в историко-архитектурной литературе в необычно широком диапазоне: от конца XV до середины XVI века. Однако ее задача не столько восстановить ее достоверные границы, сколько указать на явные аномалии в самом подходе к датированию и интерпретации памятников архитектуры. Они стали особенно заметными в 1990-е годы и вносят в общую картину истории средневекового русского зодчества неуместную сенсационность. Ситуация с собором Антониева Краснохолмского монастыря в этом отношении представляет характерный пример, поскольку связана с интерпретацией архитектурных форм первой трети — середины XVI века как относящихся к 1480-х годам. Чтобы это доказать, во главу угла были поставлены сведения «Летописца о зачатии Бежецкого Верху Николаевского монастыря и о строении церковей Божиих и о дании вотчин в обитель сию великих князей и бояр и других благодетелей». Впервые на основании его известий храм был датирован 1480-ми годами В. П. Выголовым [12]. Его позиция была поддержана в работах В. А. Булкина и А. М. Салимова [7; 8; 28, с. 474–556]. О неприятии датировки храма по «Летописцу» в разное время писали С. С. Подъяпольский [23, с. 449; 25], А. Л. Баталов [3, с. 157, примеч. 24; 4, с. 179], и А. В. Яганов [34]. Датировки его первой третью XVI столетия придерживался В. В. Седов [29, с. 24–25].

Современные представления об архитектурном облике Никольского собора Антониева Краснохолмского монастыря фрагментарны. Материалы фотофиксации показывают, что до частичного разрушения это был одноглавый храм с тремя апсидами, разделенными прямоугольными лопатками. Его стены возведены из белого камня в технике полубутовой кладки, а своды, подпружные арки и барабан — из кирпича. Четверик завершен полуциркульными закомарами, отделенными от прясел стен тонким профилированным карнизом. (Ил. 1.) Первоначальное покрытие скрыто четырехскатной высокой кровлей. Известно также, что храм был четырехстолпным. Столбы были четырехгранными, пристенные

лопатки отсутствовали, ниже пят подпружных арок на стенах помещались импосты упрощенной формы, представлявшие собой четвертной вал с двумя тонкими полочками сверху и снизу. (Ил. 2.) Из сочетания двух таких элементов состоит профиль карниза, помещенного на фасадах под закомарами. Столбы, своды собора, включая конхи апсид, подпружные арки и соответственно барабан, обрушены. В. П. Выголов установил, что западные угловые компартименты были перекрыты крестовыми сводами, а восточные, как и рукава пространственного креста, коробовыми [12, с. 18]. С. С. Подъяпольский, напротив, считал, что крестовые своды существовали и в угловых восточных компартиментах [25, с. 26]. Конструкцию подпружных арок следует считать неизвестной¹.

Этим ограничиваются знания о данной постройке. В чем же состоит образовавшаяся коллизия с датировкой этого сооружения? Если бы не было известия «Летописца», то этот собор датировали бы в пределах первой половины XVI столетия. И напротив, за известием любого источника о строительстве какого-либо храма в 1480-е годы сразу же встает облик иного сооружения, вписывающегося в известный контекст строительства того времени. Он бы обладал характерными чертами той эпохи, прежде всего выраженными на фасадах — килевидными закомарами, архивольты которых опирались на импосты в завершении лопаток, а плоскость фасадов, скорее всего, украшалась бы декоративным поясом, включающим ряд керамических балясин, раппорты с растительным орнаментом и пр. Храм был бы четырехстолпным, одноглавым, двуглавым или трехглавым с четырехгранными столбами, несущими повышенные подпружные арки². Круг известных и при этом датированных построек 1480–1490-х годов достаточно скромны — это Благовещенский собор

1 В. П. Выголов определил их как пониженные, что уникально для сооружения последней четверти XV века. В качестве аргумента следует ссылка на опись XVI века, где якобы говорится о «выведенных под сводом арках». В действительности это был не текст документа, а обобщенная словесная реконструкция интерьера собора по описям, выполненная автором описания монастыря игуменом Анатолием [1, с. 60]. Вторая ссылка сделана на метрику 1887 года, где говорится о столбах, соединенных арками. Однако эти описания не позволяют сделать утвердительный вывод, поскольку в церковно-археологической литературе XIX столетия подобных градаций просто не было. С. С. Подъяпольский усомнился в существовании пониженных подпружных арок, справедливо указав, что ни метрики, ни церковно-археологические описания не различают особенности арок, не деля их на пониженные, повышенные или слитые [25, с. 30, примеч. 8].

2 Своды без выделенных подпружных арок церкви Ризоположения на Митрополичьем дворе являются уникальными и вряд ли были повторены в конце XV века за пределами круга построек, созданных псковскими мастерами в Москве.

на Сенях и церковь Ризоположения на Митрополичьем дворе, церковь Богоявления Господня на подворье Троице-Сергиева монастыря (облик известен по миниатюре из Книги избрания на царство царя Михаила Феодоровича) в Московском Кремле, церковь Сошествия Святого Духа в Троице-Сергиевом монастыре, палаты угличского князя Андрея Васильевича в Угличе (ил. 4), соборы Спасо-Каменного монастыря, Ферапонтова и Кирилло-Белозерского монастырей. (Ил. 3.) К этому перечню следует добавить Воскресенский собор Волоколамска, не имеющий твердой датировки, но явно относящийся к правлению князя Бориса Васильевича (отличается от других построек конца XV века строительным материалом — полубутовая белокаменная кладка стен, кирпичные своды и барабан). Все эти постройки, обладая своими особенностями, в том числе в композиции объемов и декора, иконографии орнаментальных раппортов, а также в конструкциях и других структурных элементах, тем не менее образуют достаточно однородный архитектурный ряд.

Собор Антониева Краснохолмского монастыря должен быть отнесен к другой эпохе в истории русской архитектуры, которая получила начало с возведением Великокняжеского дворца в (1499–1508) и Архангельского собора, церкви Рождества Иоанна Предтечи на Бору и церкви-колокольни Иоанна Лествичника (1505–1508). Уже один структурный элемент фасада, профилированный карниз, раскрепованный на лопатках и отсекающий закомары от прясел стен, должен напомнить о существовании четкого водораздела между традиционным средне-русским зодчеством конца XV столетия и постройками, связанными с адаптацией и упрощением элементов итальянских ордерных форм. В арсенале архитектурных форм Никольского собора нет ни одной, кроме четырехгранных столбов, которая связывала бы его с зодчеством предшествующего периода. Однако и они встречаются на протяжении всего XVI столетия: в 1500-е годы — собор Чудова монастыря, церковь Троицы в Чашникове (датировка неизвестна); в 1530-е — церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Кирилло-Белозерском монастыре и, возможно, церковь в Черленкове [6]; в середине столетия — собор Книгинина монастыря; в 1550–1560-е — церковь Покрова Богородицы в Александровской слободе [26, с. 177], собор Спасо-Преображения Соловецкого монастыря; в 1590-е — церковь Троицы в Больших Вяземах; Введенский собор серпуховского Владычного монастыря. Наконец, такой важный конструктивный элемент, как крестовые своды в угловых компартиментах, четко привязывают постройку к XVI столетию. Несмотря на то

что крестовые своды встречаются под влиянием московского Успенского собора в некоторых сооружениях Московского Кремля в 1480-х годах (подземная палата Государева Казенного двора), в храмовых постройках, созданных без участия итальянских мастеров, они используются для перекрытия наоса не ранее 1520-х годов (собор ростовского Борисоглебского монастыря, собор Спаса на Бору 1527 года³, если они не были переложены в позднейшее время), а более регулярно — начиная с 1530-х годов и получают распространение ближе к середине XVI столетия⁴.

Архитектурные черты, связывающие Никольский собор с XVI столетием, настолько красноречивы, что если даже существовал бы достоверный источник, который сообщал о строительстве в 1481 году каменного храма в этом монастыре, то это сообщение нельзя было бы связывать с дошедшей до нас постройкой.

Но в датировке существующего собора 1481 годом решающее значение имел не архитектурный облик собора, а сообщение «Летописца». К настоящему времени в полной мере изучена степень его достоверности и определено время его создания. Этот «Летописец» известен в копии конца XVIII века, по которой он был издан в первый раз в 1879 [15, с. 333–345], а затем в 1880 году А. К. Жизневским [14, с. 66–73], отнесшим его к концу XVI столетия [14, с. 66]. Согласно «Летописцу», при великом князе Василии Темном к нему на службу «из Короны Польской» выехал некий Станислав Меледцкий со своим двором. Он принял православие с именем

3 На плане собора, опубликованном в статье И. М. Снегирева, крестовые своды показаны только в четырех угловых компартиментах [30, вкл. между с. 8 и 9]. М. В. Красовский показал все своды крестовыми [18, с. 12, рис. 6].

4 В 1530-х годах крестовые своды используются как для перекрытия всех пролетов (собор Троице-Данилова монастыря), так и для перекрытия одного компартимента — западной ветви пространственного креста (церкви Усекновения главы Иоанна Предтечи и Архангела Гавриила Кирилло-Белозерского монастыря 1531–1534 годов). Крестовые своды перекрывают угловые компартименты в соборах московского Рождественского и владимирского Княгинина монастырей, которые могут датироваться в границах 1530–1540-х годов [о последнем см.: 33, с. 140]. Менее уверенно можно говорить о соборе Николо-Угрешского монастыря (условно можно датировать «после 1521 года»), поскольку нет ясности в степени перестройки его сводов во время «обновления» в 1840-х годах [11, с. 105–106]. Наконец, собор Рождества Богородицы Медведевой пустыни 1547 года демонстрирует использование крестовых сводов для перекрытия западных угловых компартиментов. В Успенском соборе клинского Успенского монастыря (датировка которого также может рассматриваться в пределах второй четверти XVI века) и западные угловые своды, и восточные также крестовые. Распространение крестовых сводов демонстрирует и церковь Покрова Богородицы Александровской слободы середины — второй половины столетия, где они применены для перекрытия пролетов в угловых компартиментах.

Михаил и получил от Василия II в удел Вологду и отчины в городецком уезде «и в иных местех с тысячу дворов и больши». Его внук Афанасий получил прозвание Нелединский [14, с. 67]. Первое более точно датированное событие в «Летописце» — это прибытие в 6969 году из Белозерья в удел его внука Афанасия Васильевича Нелединского священноинока Антония, основавшего здесь Николаевский монастырь [14, с. 67]. Через 20 лет после водворения в уделе Нелединских, в 6989 (1480/81) году старец начал строительство каменного храма во имя Святителя Николая. Не успев закончить начатое, старец преставился. Храм был достроен его преемником иеромонахом Германом. После освящения храма он был возведен Новгородским архиепископом в сан игумена [14, с. 68–69]. Следующая дата в «Летописце» после основания каменной церкви — это строительство при игумене Паисии каменной трапезной с церковью Покрова Божией Матери в 7002 (1493/94) году [14, с. 70].

Достоверность источника определяется историчностью сведений, касающихся его древнейшей истории, связанной с Нелединскими, которые подали в конце XVII века документы в Разрядный приказ для подтверждения их связи с Мелецкими. Сомнения в их достоверности были впервые высказаны М. Е. Бычковой, указавшей на то, что приписка Нелединских к роду Милецких была фальшивой. По польским источникам, Станислав Мелецкий жил и умер в Польше [10, с. 45]. Фальсифицированными оказались и грамоты великого князя Василия Васильевича, якобы выданные М. Я. Мелецкому [2, с. 275–276]. И. Б. Михайлова также доказала недостоверный характер сведений росписи (совпадающих с данными «Летописца»), поданной Нелединскими в Разрядный приказ о древности и происхождении своего рода. Нелединские, упомянутые в подлинных исторических источниках, были неизвестны составителям росписи, и, напротив, помещенные в ней сведения о «службе» легендарных предков не имеют документального обоснования [21, с. 119]. Эти наблюдения определяют недостоверность и тенденциозность сведений «Летописца» об истории основания монастыря, что во многом объясняется причинами его создания не в конце XVI века, как считал А. К. Жизневский, а в конце XVII столетия [16, с. 265]. По наблюдениям С. С. Подьяпольского и А. В. Яганова [25, с. 29; 34, с. 57–62], недостоверными оказались и датировки вкладов. Было указано и на явную мистификацию со строительством трапезной. Датировав ее возведение 1493/1494 годами, «Летописец» в действительности описывает каменную трапезную с храмом Покрова Божией Матери, построенную в конце XVI столетия [16, с. 266], тогда

1. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря
Середина XVI в.
Вид с юга. Фото А. В. Яганова

как, согласно описи 1575 года, в монастыре существовала деревянная трапезная с церковью Димитрия Солунского [25, с. 28].

Главная проблема для использования «Летописца» в качестве достоверного источника сведений о событиях конца XV столетия состояла в том, что, несмотря на название, он не является летописцем. О. Н. Киянова, исследовавшая язык произведения, отмечала, что название этого литературного памятника летописцем «едва ли в жанровом отношении соответствует названию в его традиционном понимании» [17, с. 121]. Впервые об этом системно высказался А. В. Яганов [34]. Он показал, что ни структура «Летописца», ни его язык, в большей степени относящийся к Новому времени, не соответствуют традиционному типу монастырских летописцев, которые велись на протяжении долгого времени хронистами из числа братии монастыря и были основаны на погодных записях, не отличаясь от жанра летописи [34, с. 53]. А. В. Яганов

2. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря
Середина XVI в. Вид на южную и западную стены. Фото А. В. Яганова

датировал «Летописец» 1680-ми годами и связал его создание с подачей в Палату родословных дел Разрядного приказа поколенных списков Нелединских. Его позиция получила развитие и подтверждение в статьях А. Е. и Н. П. Тарасовых [31], подробно изучивших последовательность событий, которая привела к утверждению двойной фамилии Нелединских-Мелецких. Получив в 1685–1686 годах от Нелединских родословную роспись, палата Родословных дел отправила запрос в Антониев Краснохолмский и Троице-Сергиев монастыри, а также в Посольский приказ в 1686–1687 годах. Антониев монастырь подготовил «Выписку», полученную палатой в начале 1687 года. Сомнения в ее подлинности заставили Палату родословных дел направить аналогичный запрос в Троице-Сергиев монастырь. Текст «Выписки» обнаруживает идентичность с «Летописцем» [31, с. 237]. На это уже было обращено внимание авторами, считавшими, что «Летописец» лег в основу «Выписки» [13, с. 58]. Того же

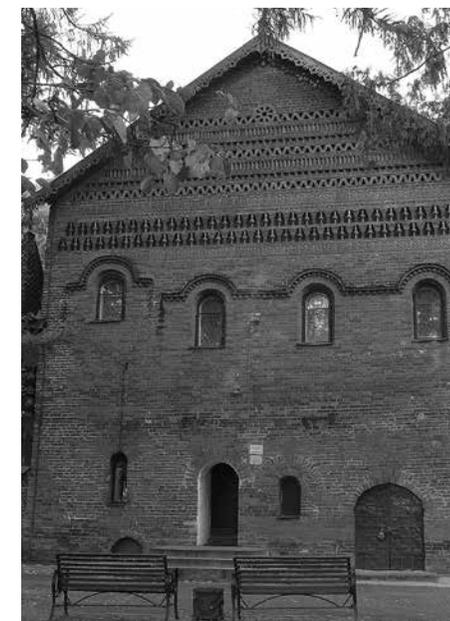
мнения придерживался и А. В. Яганов [34, с. 56]. Тарасовы выдвинули иную версию, опираясь на челобитную игумена Паисия, приложенную к «Выписке», в которой он упоминает «стародавние вкладные книги», а также на отсутствие ссылок на «Летописец» в тексте «Выписки». Они обратили внимание, что начальная часть «Летописца» более соответствует копиям тех грамот, которые Нелединские подали в палату и предположили, что «Летописец» был составлен на основе «Выписки» в тот период, когда палата направила запрос в Троице-Сергиев монастырь. «Летописец» должен был стать окончательным документом, подтверждающим связь Нелединских с Мелецким. Авторы полагают, что и «Летописец», и «Выписка» были составлены одним человеком [31, с. 238–239].

Итак, критика источника показывает, что «Летописец» не является документом, который мог бы «опрокинуть» историю средневековой русской архитектуры. Тем интереснее проанализировать полемику, развернувшуюся вокруг датировки Никольского собора, почерпнутой из недостоверного и тенденциозного источника. Следует отметить, что в действительности все историки древнерусского зодчества так или иначе отмечали несоответствие даты собора в «Летописце» и архитектурного облика дошедшего до XX столетия собора. Различие их позиций заключено в том, что одни ставили во главу угла критику источника и принцип соотношения храма с известным архитектурным контекстом, а другие, отказываясь от анализа «Летописца» и не желая усомниться в достоверности даты, пытались всеми возможными логическими конструкциями преодолеть несоответствие между ними.

Впервые противоречие между датировкой собора по «Летописцу» 1481 годом и обликом постройки было отмечено С. С. Подъяпольским, заметившим, что по своим формам «он гораздо ближе к сооружениям начала XVI века, чем к постройкам предыдущего столетия» [23, с. 449]. Это несоответствие заметил также и В. П. Выголов [12, с. 20–21]. Однако при этом он не усомнился в достоверности известия, так как вслед за А. К. Жизневским считал «Летописец» литературным памятником XVI столетия. Его статья была написана до появления работ, посвященных разбору этого произведения. Принимая раннюю датировку, он, естественно, выбрал единственный вариант, при котором она могла иметь отношение к исследуемому сооружению. Прежде всего заказчиком строительства он считал не «бояр» Нелединских-Мелецких, а угличского князя Андрея Васильевича [12, с. 21]. В. П. Выголов помещал собор в контекст строительства, которое вел этот князь в своем удельном

3. Успенский собор Кирилло-Белозерского монастыря. До 1497
Вид с северо-запада
Фото Ю. В. Тарабариной

4. Палата дворца князя Андрея Васильевича в Угличе. До 1491
Вид с юго-запада
Фото Ю. В. Ратомской

Покровском Паисиеве монастыре и в самом Угличе. При этом автор признавал, что единственная сохранившаяся постройка, так называемая тронная палата, не обнаруживает сходства с храмом Антониева монастыря [12, с. 22]. Напротив, он справедливо указывал на близость палаты к соборам конца XV века в Белозерье. (Ил. 3–4.) Единственный возможный вывод, который позволяет объяснить, с одной стороны, полную внеположенность храма Антониева монастыря к среднерусскому зодчеству конца XV века, а с другой, очевидное опережение здесь развития столичной архитектуры почти на четверть века, — это его строительство итальянским мастером. К его деятельности он относил и строительство трапезной [12, с. 22]. Только привлечение итальянца оправдывало выход за пределы традиции.

В. П. Выголов выбрал парадигму, которая предполагала примат письменного источника над особенностями архитектурного облика.

Однако вся логическая конструкция зависела только от устойчивости двух постулатов — достоверности источника и факта работы итальянского мастера на службе углицкого князя Андрея Васильевича. Поэтому мы в свое время позволили себе усомниться в возможности присутствия итальянского зодчего на службе удельного углицкого князя и достоверности сведений столь позднего источника.

Разрушение этой конструкции в более развернутой форме продолжилось, как это ни странно, в работах апологетов датировки собора 1481 годом. В 1995 году была опубликована статья В. А. Булкина и А. М. Салимова, в которой авторы высказали сомнения в участии итальянского мастера в строительстве собора. Они были основаны на «неполном» соответствии членений фасадов внутренней структуре, отсутствии пристенных лопаток в интерьере, а также на наличии второй главы над диаконником и килевидной формы архивольтов в порталах и присутствии сноповидных элементов [7, с. 48]. На место итальянских зодчих ставятся местные мастера, только что покинувшие строительную площадку, где возводился Аристотелем Фиораванти московский Успенский собор.

Остается вопрос, каким образом, работая над строительством Успенского собора, не имевшем ни антаблемента, ни карниза в основании закомар, они смогли узнать об ордерной структуре фасада, не используемой Аристотелем Фиораванти? В действительности, отмечая тезис В. П. Выголова о непосредственном участии итальянского архитектора в создании Никольского собора, Булкин и Салимов приступили к сооружению еще менее устойчивой гипотетической конструкции, заявляя об опосредованном влиянии итальянского зодчего. В ее основе ничем не подкрепленная уверенность, что процесс адаптации и перефразирования итальянизмов начинается уже в конце XV века, что выражено достаточно определенно: «Однажды выявившись, итальянизмы в древнерусском зодчестве уже с конца XV — начала XVI вв. начинают жить самостоятельной жизнью» [7, с. 46]. Пользуясь методом домысливания несуществующих памятников, авторы искусственно объединяют два принципиально разных периода — 1480–1490-е годы и начало XVI века. Характерна и попытка оправдать такой подход декларацией: «...из-за плохой сохранности памятников стилистический анализ, как аргумент в пользу той или иной датировки, с трудом работает в коротких хронологических диапазонах, как это имеет место в данном случае, когда речь идет о выборе между концом XV и началом XVI в.» [7, с. 45; 8, с. 39]. Поэтому, как считают авторы, предпочтительнее исходить

5. Воскресенский собор Волоколамска
Конец XV в. Вид с юга
Фото автора

из даты, сообщаемой монастырским летописцем. Последняя мысль должна была полностью освободить исследователей от мешающей им архитектурной реальности.

Цепь рассуждений авторов об особенностях изучения построек, созданных на рубеже столетия, могла быть принята как основательная, если бы речь шла о рубеже XIV–XV или XVI–XVII веков. В отношении же рубежа XV–XVI веков эта мысленная конструкция является ложной, поскольку в начале XVI века, после 1508 года, когда деятельность итальянских мастеров выходит за пределы дворцового и крепостного строительства и охватывает сферу церковной архитектуры, происходит кардинальное изменение архитектурного языка.

В 2001 году вышла в свет статья С. С. Подъяпольского, который отметил странность в использовании в периферийном монастыре приемов,

впервые примененных за несколько лет до того Аристотелем Фиораванти [25, с. 26]. Он также обратил внимание на отличие кирпича Никольского собора от плинфообразного кирпича в соборе Спасо-Каменного монастыря и Спасо-Преображенского собора в Угличе, созданного в центре удела князя Андрея Васильевича. Также он указал на «висячую» аркатуру барабана, не встречающуюся ранее XVI столетия⁵, и на отличие мелкопрофилированного пояска в основании закомар от развитых антаблементов в постройках итальянских мастеров. Были отмечены и импосты над сноповидными «капителями» в устоях порталов, встречающиеся лишь в постройках XVI столетия, начиная с Успенского собора Дмитрова, и фронтальная постановка полуколонок портала, не характерная для построек XV столетия (названы московский Успенский собор, Духовская церковь, собор Ферапонтова монастыря). С. С. Подъяпольский подчеркнул уязвимость версии В. П. Выголова о строительстве собора итальянским архитектором, указав, что до середины 1480-х годов известен только Аристотель Фиораванти и работавший с ним в Москве одновременно «мастер вединедицкий другой», восстанавливавший верх собора Симонова монастыря. Существенным было его замечание, что к частновладельческим заказам итальянских мастеров стали привлекать лишь позже, уже в начале XVI века, когда их число значительно увеличилось [25, с. 27]. Наконец, последовал самый важный вывод: те детали собора, которые можно было бы отнести к итальянизмам, не составляют целостной системы, а представляют «случайный набор второстепенных, хотя и важных для датировки, признаков, производящих впечатление чего-то вторичного», более характерный для сооружения второй четверти или середины XVI века [25, с. 27]. Видеть в местных мастерах, построивших Никольский собор, итальянских выучеников нет оснований, поскольку для 1481 года площадкой этой выучки мог быть только Успенский собор 1475–1479 годов. В то же время перефразированные итальянизмы этой постройки имеют своим источником не только собор Аристотеля Фиораванти, но и итальянские сооружения, созданные в начале XVI века.

5 Схематизированная аркатура на барабанах находит аналогии в Белозерье во второй половине 1530-х годов (церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи Кирилло-Белозерского монастыря, собор Спасо-Прилуцкого монастыря), а в центральных уездах в более поздних постройках (собор киржачского Благовещенского монастыря не ранее второй половины 1540-х годов).

В 2001 году вышла новая работа В. А. Булкина и А. М. Салимова [8], где они в более расширенной форме изложили свою позицию, опубликованную в статье 1995 года.

Что касается архитектурных особенностей собора, то авторы выделили как раз те черты, которые являются уникальными для XV века. Так, поддержав версию В. П. Выголова об изначальном существовании пониженных подпружных арок, они справедливо отмечают уникальность такого конструктивного решения, так же как и использование крестовых сводов, впервые встречающиеся на периферии. В статье 1995 года, желая усилить интерпретацию облика храма как постройки 1480-х годов они реконструировали его завершение по аналогии с сохранившимися соборами Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастырей. В работе 2001 года они указали на возможность различных вариантов расстановки кокошников — с фронтально поставленным вторым рядом, но с круговым расположением кокошников постамента барабана, а также с диагональными кокошниками второго ряда [8, с. 12]. Идя вслед за принятой ими датировкой, они сделали смелое предположение об «относительном» влиянии Никольского собора на постройки Кирилло-Белозерского монастыря XVI века [8, с. 14]. Это замечание характеризует метод работы этих исследователей: гипотетическая реконструкция завершения памятника становится основой для его постановки в центр развития зодчества ростовской епархии в конце XV столетия. При этом невозможно определить, что означает это «относительное» влияние и как осуществляется его воздействие.

Прекрасно понимая, что наиболее неустойчивым элементом всей логической конструкции является карниз под закомарами, В. А. Булкин и А. М. Салимов обратились к истории с восстановлением верха собора Симонова монастыря в 1477 году. Авторы задают вопрос о том, не мог ли уже этот собор иметь карниз под закомарами и быть источником архитектурных особенностей Никольского собора [8, с. 15]. Это предположение можно отвести сразу, поскольку летопись точно говорит о том, что молния сразила только барабан — «сразил верх с каменные церкви по шейные вокна» [19, с. 198–169]⁶. Он был восстановлен за один или два сезона (трагедия произошла 30 августа 6984 (1476), а восстановлен

6 Под 6984 (1476) годом: «Того же лета бысть гром силен августа 30, на Симанове с церкви каменные верх шибло стрелкою, иконы побило» [32, с. 195].

в 6985 (1476/77) году («Того же лета съделан бысть верх церкви на Симанове...») [32, с. 195]. Это не говорит о перестройке верхней части четверика, сводов, покрытия и т. п. Кроме того, возвращаясь к непроверяемой гипотезе П. Н. Максимова [20, с. 216] о повторении при строительстве нового собора Симонова монастыря облика его предшественника, заметим, что в соборе конца 1540-х годов не было карниза под закомарами.

В отношении же наблюдений С. С. Подъяпольского о структурных элементах портала, свойственных храмам XVI века, авторы прибегают к, казалось бы, беспроблемному контрдоводу, заключив, что эта особенность могла иметь место в постройках 1450–1470-х годов [8, с. 16], как можно понять из контекста, несохранившихся. Подобное предположение, к сожалению, остается предположением, но не может стать аргументом.

В заключение авторы, продолжая линию В. П. Выголова, но разрушив фундамент его рассуждений, ссылаются на то, что постройки середины — третьей четверти XV века малоизвестны, тогда как начало «некоторым особенностям московского зодчества первой половины XVI века могло быть положено именно тогда». Этот аргумент носит казуистический характер, так как исследователь должен в своей системе доказательств опираться прежде всего на сохранившиеся постройки изучаемого периода, а не заменять объективные данные, мешающие его версии, гипотетическими постройками.

Критика источника, доказательства тенденциозности не только его первой части, посвященной истории основания обители и строительства в ней, но и сознательного изменения датировок вкладов в сторону их «удревнения», не повлияли на позицию А. М. Салимова. В 2015 году он принципиально включил Никольский собор Краснохолмского Антониева монастыря в первый том своей монографии, который был посвящен тверскому зодчеству до конца XV века. Полемизируя с А. В. Ягановым о достоверности сведений «Летописца», А. М. Салимов высказывает предположение, во многом характеризующее степень историчности его исследования. Так, автор возмущается тем, что А. В. Яганов даже не допускал возможности, что составитель «Летописца» (который А. М. Салимов называет монастырской летописью) мог использовать какой-то не дошедший до нас монастырский источник, доступный еще в конце XVII века. В связи с этим А. М. Салимов приводит данные описи 1575 года, где указано «на присутствие в книгохранилище Никольского храма “старых описных книг” и “тетради-церковное строение в четверть на бумаге в коже”» [28, с. 488]. По его предположению,

здесь могла содержаться информация о монастырском строительстве в 1480–1490-е годы. Однако в описи 1575 года сказано иное. Во-первых, в описи книгохранилища указано: «...книг старых по старым описным книгам» [22, с. 370], т. е. речь идет о книгах, присутствовавших в прежних монастырских описях. Иными словами, контекст фразы в Описи 1575 года иной. Что же касается упомянутой «тетради — церковное строение» [22, с. 374], то это недоразумение, так как опись имеет в виду Церковный устав, Типик. В ней не могло содержаться данных о строениях в современном понимании этого слова, а также «церковного строения» по терминологии писцовых книг, т. е. утвари, икон и прочего внутреннего убранства. Необходимо также заметить, что, как и в любой описи, все книги поименованы и все они имеют богослужбное назначение.

В книге 2015 года автор продолжил также и архитектурную полемику с С. С. Подъяпольским. Разделяя, как пишет автор, «в определенной мере» сомнения оппонента в правомерности датировки Краснохолмского собора последней четвертью XV века [28, с. 524], Салимов тем не менее видит уязвимость некоторых аргументов оппонента. Один из контраргументов — смешанная кладка (белокаменные стены и сложенные из кирпича своды). Автору кажется, что уже по технике кладки это сооружение может быть отнесено к последней четверти XV века и в качестве доказательства приводит собор в Волоколамске. (Ил. 5.) Этой убежденности в действительности противоречат два обстоятельства. Первое — этот пример губителен для авторской концепции, поскольку собор в Волоколамске, несмотря на то, что по технике кладки он стоит особняком среди кирпичных построек последней четверти XV столетия, но по своему архитектурному облику, композиции фасадов, конструкции, трактовке интерьера и второстепенным деталям полностью принадлежит среднерусской традиции этого периода и составляет общность с другими сооружениями. Кроме того, его своды были выложены из плинфообразного кирпича⁷. Второе обстоятельство — постройки со стенами в технике полубутовой кладки с кирпичными сводами хорошо известны в середине — второй половине XVI века (церкви Трифона в Напрудном [24, с. 59], Зачатия Анны в Углу [5, с. 57–62], Благовещения в Степановском и др.).

7 Материалы натуральных исследований памятника архитектуры XV–XVII вв. Воскресенского собора. Часть 3. Том 4. Исследования чердака собора. В. В. Кавельмахер. ГНИМА им. А. В. Щусева. Отдел хранения архитектурного архива. Фонд «Мособлстройреставрация», КПоф 5822/16. Л. 10.

Полемика касается и размеров кирпича. С. С. Подъяпольский указывал на отличия брускового кирпича, из которого были сложены своды Никольского собора, от плинфообразного кирпича храмовых построек 1480-х годов. Выдающийся исследователь древнерусского зодчества специально подчеркивал, что сопоставляет кирпич собора отдаленного от столицы монастыря именно с кирпичом периферийных построек начала 1480-х годов (Спасо-Каменного и Спасо-Преображенского собора в Угличе). А. М. Салимов же привлекает в качестве контраргумента общеизвестный факт, что в конце 1480-х годов и в 1490-х годах получает распространение брусковый кирпич [28, с. 525–526]. Однако и в данном случае это не является доказательством, поскольку решающим аргументом в пользу датировки по «Летописцу» было бы использование в соборе как раз плинфообразного кирпича. Сравнительно небольшая толщина брускового кирпича Никольского собора не свидетельствует о ранней датировке. До введения единых размеров кирпича и белого камня при царе Феодоре Иоанновиче датировать по размерам брускового кирпича постройки за пределами Москвы практически невозможно, поскольку эти размеры индивидуальны для каждого производителя.

Столь же противоречивы и результаты археологических работ, поскольку в статьях и книгах А. М. Салимова, написанных индивидуально и в соавторстве с В. А. Булкиным, фрагменты археологического отчета занимают значительное место. Можно было ожидать фундированную схему развития памятника со строго отобранными и убедительными аргументами стратиграфического и вещеведческого характера. Вместо нее авторы, описывая стратиграфию, уверенно относят к концу XV века то это, то другой уровень или прослойку — просто на том основании, что они раньше слоя возведения здания. То есть они используют предложенную ими же дату храма как уже доказанную и потому пригодную в качестве хронологического репера. Раскопки не дали находок, позволяющих точно датировать слои, а керамический материал настолько специфичен, что его хронологически можно определить в очень широких рамках. В стратиграфическом описании можно увидеть и ряд нестыковок, как, например, в слое выброса из фундаментного рва собора якобы конца XV века выявлены фрагменты керамики с известью на поверхности, которые, по мнению исследователей, почему-то «связаны с голосниками» [8, с. 23].

Для определения реальной даты постройки, корреспондирующей с особенностями архитектуры собора, значительный интерес

представляют наблюдения, полученные при изучении той части «Летописца», которая была создана в конце XVII века на основании выписок из вкладной книги. С. С. Подъяпольский, проанализировав вклады, показал, что они локализируются в границах середины — второй половины XVI столетия. Это является основанием для предположений о возможности сооружения монастырского собора в конце 1550-х годов, чему не противоречит и его архитектурный облик [25, с. 29].

А. В. Яганов преемственно развивая наблюдения С. С. Подъяпольского, провел верификацию перечисленных вкладов [34, с. 57–62], датировки которых были вымышленными, и постарался выделить относившиеся к возведению и благоукрашению Никольского собора. Все они сделаны в период между началом 1550-х и до 1570 года [34, с. 62]. Особое внимание автор уделил записи в приходных книгах об окончательном расчете монастыря с каменщиками и «мастерами» в 1560 году [14, с. 9], которые косвенно подтверждали предположение С. С. Подъяпольского, датировавшего собор концом 1550-х годов. А. В. Яганов увидел в этих расчетах признаки завершения больших каменных работ [34, с. 62]. Эта гипотеза не лишена смысла, поскольку опись 1575 года показывает, что ни в монастыре, ни в монастырских селах не было ни одного каменного сооружения. Каменным был только соборный монастырский храм, поэтому, учитывая размер хлебных выдач каменщикам и мастерам, Яганов обоснованно предположил, что эти расчеты могли быть связаны со строительством собора. По крайней мере, эти данные нельзя игнорировать при анализе стилистических, конструктивных и типологических особенностей собора.

Следует признать, что собор Краснохолмского монастыря по-прежнему не имеет точной, документально подтвержденной датировки, и единственным источником для ее определения является его архитектурный облик в тех его фрагментах, которые дошли до нашего времени. Этот единственный достоверный источник свидетельствует, что дискуссия может вестись только о его датировке 1530–1540-ми или 1550-ми годами. Для датировки его 1480-ми годами нет никаких оснований. Очевидно, что перед нами достаточно поздний, тяготеющий к середине столетия периферийный памятник, относящийся к периоду адаптации и переработки тех новшеств, которые были принесены итальянцами в первой трети XVI столетия.

Полемика о датировке собора Краснохолмского монастыря иллюстрирует противостояние двух подходов. Один, действующий

в академической парадигме, рассматривает историю архитектуры как часть исторической науки и предполагает методы изучения, адекватные времени создания произведения. Они базируются на критическом изучении письменных источников, на тщательном разделении известного и гипотетического. В их основе находится принцип доказательности, основанный на проверяемых фактах, а не на создании псевдоисторической реальности, имеющей в качестве источника авторские ощущения и домысливание интенций мастеров и заказчиков и их эмоционального состояния. Методология изучения не позволяет выбрать один источник и подчинять ему другие исторические материалы. Напротив, анализ археологических находок, архитектурного облика, письменных источников должен вестись независимо по этим направлениям и лишь затем результаты исследований можно сопоставлять. Только в этом случае можно будет приблизиться к исторической достоверности. Исследователь должен работать против своего первичного постулата, а не подверстывать под него результаты анализа, искусственно отменяя опровергающие его гипотезу.

Однако именно этот путь выбирают исследователи, придерживающиеся альтернативного подхода. Они ставят во главу угла один источник и рассматривают весь комплекс исторических материалов под заранее заданным углом зрения. Поэтому создаются умозрительные конструкции с вольным достраиванием отсутствующих компонентов. При этом присутствует уверенность исследователей в том, что создаваемые ими логические модели равнозначны историческим фактам. Их структурные элементы обязаны своим появлением постулату «этого нет, но могло быть». Подобный подход исключает интерес к происхождению, степени достоверности источников, из которых выбираются необходимые для сюжета сведения. Он часто опирается на принцип прецедента, т. е. упоминания о дате или обстоятельствах создания произведения в других публикациях, без аналитического разбора обстоятельств их появления в историко-архитектурной литературе. Этот подход ведет изучение средневековой русской архитектуры в область псевдоисторической реальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Анатоллий, игумен*. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии. Тверь, 1883.
2. *Антонов А. В.* Частные архивы русских феодалов XV — начала XVII века // Русский дипломатарий. М.: Дрвлекхранилище, 2002. Вып. 8.
3. *Баталов А. Л.* Итальянизирующие мотивы в интерьерах русских храмов первой половины XVI в. // Искусство Древней Руси: проблемы иконографии / Ред.-сост. А. Л. Баталов, А. В. Рындина. М., 1994. С. 146–158.
4. *Баталов А. Л.* Московское каменное зодчество: Проблемы художественного мышления эпохи. М.: Мейкер, 1996.
5. *Баталов А. Л.* К вопросу о происхождении крещатого свода в русской архитектуре XVI века // ΣΟΦΙΑ. Сборник статей по искусству Византии и Древней Руси в честь А. И. Комеча. М.: Северный паломник, 2006. С. 47–66.
6. *Баталов А. Л.* Храм Святителя Николая в селе Черленково в истории храмостроительства в Волоцком уезде XVI в.: верификация версий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М.: Индрик, 2020. Вып. 3 (81). С. 170–179.
7. *Булкин В. А., Салимов А. М.* Архитектурно-археологические исследования Никольского собора Антониево-Краснохолмского монастыря // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М., 1995. Вып. II. С. 37–50.
8. *Булкин В. А., Салимов А. М.* Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря. Материалы исследований. М.: Общество историков архитектуры, 2001.
9. *Булкин Вал. А., Гадалова Г. С., Салимов А. М.* Антониев Краснохолмский монастырь // Русское средневековое надгробие XIII–XVII века. Материалы к своду / Сост., отв. ред. Беляев Л. А. Вып. 1. М.: Наука, 2006. С. 286–291.
10. *Бычкова М. Е.* Польские традиции в русской генеалогии XVII века // Советское славяноведение. 1981. № 5. С. 39–50.
11. Воспоминания архимандрита Пимена, настоятеля Николаевского монастыря, что на Угреше. М.: Общество истории и древностей Российских при Московском университете, 1877.
12. *Выголов В. П.* Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.) // Памятники русской

архитектуры и монументального искусства. Пространство и пластика. М.: Наука, 1991. С. 3–27.

13. Грамоты Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря/Приготов. к печати свящ. В. Некрасов, свящ. А. Мирожин, свящ. А. Петропавловский и преп. семинарии М. Рубцов. Издание Тверского Епархиального Историко-Археологического Комитета. Тверь: Типография Губернского правления, 1904.

14. Жизневский А. К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря // Древности: Труды Московского археологического общества. М.: в Синодальной типографии на Никольской улице, 1880. Т. VIII. С. 1–95.

15. Историческая библиотека Тверской епархии. Тверь: Типография губернского правления, 1879. Т. 1 [Извлеч. из Тверск. епарх. ведомостей].

16. Каган М. Д., Охотина Н. А. «Летописец о зачатии Бежицкого верху Николаевского Антониева монастыря и о строении церквей Божиих и о дании вотчин в обитель сию великих князей и бояр и прочих благодетелей» // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб.: Дмитрий Буланин, 1993. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 2. С. 263–267.

17. Киянова О. Н. Поздние летописи в истории русского литературного языка. Конец XVI – начало XVIII века. СПб.: Алетейя, 2010.

18. Красовский М. В. Очерк истории московского периода древнерусского церковного зодчества от основания Москвы до конца первой четверти XVIII века. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Совко, 1911.

19. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью // Полное собрание русских летописей. Репр. воспр. текста изд. 1901 г. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 12.

20. Максимов П. Н. К характеристике памятников Московского зодчества XIII–XV вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1949. № 12: Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. II/Под ред. А. В. Арциховского. С. 209–216.

21. Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. Очерки социальной истории. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.

22. Описи Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, относящиеся к XVI столетию // Историческая библиотека Тверской епархии. Тверь: Типография Губернского правления, 1879. Т. I. С. 346–400.

23. Подъяпольский С. С. Архитектурные памятники Спасо-Каменного монастыря (XV–XVI вв.) // Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилегающих к ней княжеств XIV–XVI вв. М.: Наука, 1970. С. 437–457.

24. Подъяпольский С. С. О древней церкви Сретенского монастыря в Москве // Российская археология. 2000. № 1. С. 47–62.

25. Подъяпольский С. С. О датировке Никольского собора Антониева-Краснохолмского монастыря // Архитектурное наследие. М.: URSS, 2001. Вып. 44. С. 26–31.

26. Подъяпольский С. С. О датировке памятников Александровой слободы // Художественная культура Москвы и Подмосковья XIV – начала XX веков. Сб. ст. М.: ЦМиАР, 2002. С. 161–184.

27. Преображенский М. Т. Памятники древнерусского зодчества в пределах Калужской губернии. Опыт исслед. древ. зодчества по губ. акад. архитектуры М. Т. Преображенского. СПб.: Изд-во Имп. Акад. художеств, 1891.

28. Салимов А. М. Средневековое зодчество Твери и прилегающих земель. XII–XVI века. [В 2 т.] Тверь: ГАСК, 2015. Т. I.

29. Седов Вл. В., Рудченко В. М. Церковь Успения в Левкиевой пустыни – исчезнувший памятник русской архитектуры XVI в. // Памятники русской архитектуры и монументального искусства XVI–XX вв. М.: Наука, 2005. Вып. 7. С. 5–26.

30. Снегирев И. М. Спас на Бору в Московском Кремле // Русские достопамятности/Изд. А. А. Мартынова. М.: Типография М. Н. Лаврова, 1877. Вып. II. С. 1–18.

31. Тарасов А. Е., Тарасова Н. П. «Летописец о зачатии Бежецкого верху Николаевского Антониева монастыря»: время и обстоятельства создания // Исторические исследования. Журнал исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. 2016. № 2 (5). С. 223–245.

32. Типографская летопись // Полное собрание русских летописей. Репр. воспр. текста изд. 1921 г. М.: Языки русской культуры, 2000. Т. 24.

33. Яганов А. В. К вопросу о датировке собора Благовещенского Киржачского монастыря // Древнерусское искусство. Русское искусство Позднего Средневековья: XVI век. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. С. 130–145.

34. Яганов А. В. Об источниках датировки памятников «Бежецкого верху Николы Чудотворца Онтонова монастыря» // Архитектурное наследие. М.: URSS, 2012. Вып. 57. С. 51–66.